

Евразийский подход в раскрытии мотива «Родина-Мать» в литературе «Изгнания – Возвращения»

Караманов Р.Н.

Аспирант кафедры крымскотатарской литературы и журналистики Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь)

В статье через призму влияния автобиографизма и личного жизненного опыта изучения творчества крымских писателей исследуется мотив «Крым – Родина-Мать». Именно в воспоминаниях крымских прозаиков, детьми познавшими горечь преступного выселения из родного Крыма, образы родины ассоциируются с матерью, семейным очагом, бабушкиной любовью, национальным характером, крымской природой и благодатью, образами, формирующими целостную картину счастья, навечно запечатленную в детской памяти и мироощущении до того, как она была преступно и вероломно нарушена.

Мотив «Крым – Родина-Мать» наиболее явственно выявлен в прозе Рустема Али по линии бинарной оппозиции, раскрывающей трагические обстоятельства преступного выселения и удержания в ссылке крымского народа. Основная мысль произведений Рустема Али заключается именно в этой аналогии пережитых трагедий как им индивидуально, так и в целом – всем народом. Архетипичность этого мотива заслуживает особого внимания.

Ключевые слова: крымская проза, изгнание, возвращение, Родина-Мать, мотив, архетип, бинарная оппозиция.

Говоря о символическом аспекте языка, необходимо отметить его глубинную архетипическую природу и происхождение. Будь то фольклорное произведение, дастан, легенда и сказание, т.е. все то, что подходит под определение словесного творчества анонимного происхождения и всенародного воспроизведения, или же проза авторского происхождения, в ней непременно рельефно должен проявляться символизм народной традиции словесного творчества. Именно соответствие этому символизму делает то или иное произведение истинно народным, истинно фольклорным. На просторах Евразии от Дуная до Алтайских гор и Кашгара сложилась сложная этнографическая карта с двумя основными этническими компонентами: славянским и тюркским. Символизм тюркских и славянских языков перекликается в героическом аспекте. В русском культурном дискурсе, не без помощи классика русской литературы Л.Н. Толстого, он рельефно выразился в бинарной оппозиции, бинарном архетипе: «Война – Мир». В тюркской фольклорной традиции он выразился в героическом эпосе, таких дастанах, как «Манас», «Чора-Батыр», «Алпамыш», «Кёр-оглу» или «Гёр-оглу» (созвучен с Гераклом) и других об-

разцах народного творческого наследия. В дальнейшем архетипичность этого героического аспекта подтвердилась жизненным фактажом. Например, крымский герой Алим Айдамак, впоследствии воспетый народной молвой и сказаниями – риваятами, был реальным человеком из плоти и крови. Помимо этого продолжателем традиций героического эпоса в жанре прозы, в частности, в произведении «Арслан-Кыз» («Девушка-Львица») был в известной степени и стоящий у истоков евразийства Исмаил Гаспринский.

Собственно, евразийская интеграция может реализоваться только при обеспечении соответствующей межкультурной коммуникации с учетом философско-концептуального осмысления этими народами и их представителями как участниками коммуникации целей и задач человеческого бытия. В народной словесной традиции, впоследствии оформляемой в эпос или эпические жанры литературы, бывают крутые тематические виражи, вызванные теми или другими историческими, этнополитическими, этнопсихологическими потрясениями, сменяющимися акцентами в символически, образно-архетипически маркированной картине мира

данного этноса или народа. В истории крымского, карачаевского, балкарского, ингушского, чеченского, калмыцкого народов, как народов выразителей тюркского, кавказского, ойратского этнокультурных компонентов большого Евразийского пространства, таким потрясением было тотальное преступное выселение этих народов с родных мест на чужбину. В картине мира крымского народа в критически опасной ситуации, угрожающей самому существованию человека и народа, индивидуальности и общности, это потрясение выразилось в устойчивом бинарном архетипе, бинарной оппозиции «Изгнание–Возвращение».

В конце 80-х – 90-х гг. XX в., в период массового возвращения крымских татар на родину в Крым литераторы были в творческом поиске, нужно было найти такой художественный метод, средства, формы, которые способствовали бы именно раскрытию сущности явлений, а именно обстоятельств той человеческой трагедии, которую переживал как народ в целом, так и каждый его представитель в отдельности, задействуя при этом необходимый арсенал средств. Писатель Айдер Осман метафорически ёмко высказался об этом: «Ссылка (изгнание) – это массивная скальная глыба, что стоит на пути нашей литературы. Нельзя ее ни перепрыгнуть, ни обойти, а лишь необходимым образом отобразив ее в литературе, можно оставить ее позади, только так» [1] (*в переводе автора*).

В новых условиях активно взялись за перо Айдер Осман, Шамиль Алядин, Рустем Али, Джевдет Аметов, Ибраим Паши. Большой материал для их творчества давал прежде всего постоянный, живой контакт с окружающей действительностью; определенный круг жизненных впечатлений ложился в основу их произведений, а иной раз формировал их структурно и содержательно. Сама жизнь питала их творчество. Мы должны подчеркнуть роль биографии, жизненного опыта писателя в его творческой деятельности. А говоря о роли биографического фактора в творческом процессе, мы должны иметь в виду и «внутреннюю» биографию, под влиянием которой писатель производит отбор импульсов, идущих от действительности.

В случае с Рустемом Али насыщенная «внутренняя биография» во многом и стимулировала его творчество. В нашей беседе, состоявшейся 8 декабря 2010 г., этот открытый человек рассказывал о своей жизни, пережитых им событиях и испытаниях, и в ходе этого общения удивительным образом подтверждались и фактологическая или событийная сторона его жизни, легшая в основу его рассказов «Олюм ёлу» («Дорога смерти») и «Кёр умют» («Слепая надежда»), и идейная сторона его критических суждений и рассуждений. Дальше – больше. От событийных аналогий в ходе беседы мы перешли к идейно-мотивным, а именно аналогии индиви-

дуального опыта писателя, пережитого в детстве, с народным опытом и судьбой.

Рустем Али продолжил: «Например, голод 44 г. Это не выдумка. Это действительно так было. Например, в конце декабря 44 г. как раз на новый год наши детишки, люди массово пухли и умирали от голода. Я сам через это прошел, сам пережил голод. Такие были времена, что мать кормила грудью младенца, мать умерла, и младенец умер у нее на груди. Так мы умирали. [...] Рядом с одним сараем снег был, лед. Я упал. Детей, умерших на дороге, собирали и отвозили в морг. Мама до меня попала в больницу с тифом. Санитарки с тётушкой Афизе (А.р.э.) меня увидели. Там таких умерших детей раздевали и относили в зиндан, старый зиндан Мин-Тепе, из тех зинданов, что остались со времен Чингисхана. Там и оставляли наших умерших детей. Туда же и меня отнесли и оставили. Я был абсолютно голым. Маме обе эти женщины сказали: “Твоего сына туда унесли. Умер твой сын”. Моя мама в больнице лежала больная. Сбежала мама. Побежала в морг этот, колотит дверь руками со словами: “Откройте. Дайте с сыном попрощаюсь”. Открыли дверь. Взяла меня мама на руки, ласкает лицо, целует всего. Говорит, шея твоя как спичка тонюсенькая, а оттуда дук-дук пульс слышится, плачет. Потом выносит меня. Такие вот дела. Это настолько же действительное событие, как и наше преступное выселение. Я говорю, что и моя нация в этот морг попала и из него вышла, если говорить образно, поэтично, то и мой народ, эта ссылка была для нас моргом, т.е. нас там оставили на смерть. Но мы оттуда вышли. Если меня моя мама вытащила, то мою нацию, наш народ оттуда вытащила наша мама. Если бы не было в мире Крыма, если бы не любили мы нашу Мать – Крым, мы не были бы народом, вернувшимся в Крым. После того, как вернулся я в Крым, работал в колхозе, я написал дестан “Къырым – Ана” («Крым – Мать»). Его напечатали в газете “Янъы дюнъя”. [...] Что я, собственно, хочу сказать, так это то, что если моя мама вытащила меня из морга, то мою нацию, мой народ вытащил из морга Крым. Не было бы Родины – Крыма, мы бы так и остались бы в этом морге» [1] (*авт.*).

Насильственная оторванность крымского народа от Крыма и длительное удержание его в ссылке усиливало внутреннее сопротивление народа внешнему произволу и насилию. Это порождало убежденность в неотвратимости возвращения на родину и восстановлении жизненно необходимого воссоединения народа с родной землей, вне которой реализация крымского народа не представлялась возможной: «О мой народ! Ступите на священную землю, которую Аллах предписал вам, и не обращайтесь вспять, а не то вернетесь потерпевшими убыток» [2, с. 111]. И у Айдера Османа мотив возвращения на Священную землю является лейтмотивом его повести «Къайтув» («Возвращение»): «Эта история воз-

вращения только одна из сотен, тысяч историй. Возвращение на Священную землю все продолжается» [3, с. 121].

Схожие акценты в творческом наследии других, преступно высланных народов усилились и обострились вследствие специфических условий, в которых они оказались. З. Джанхотова пишет: «Центральным символом, представляющим основной императив существования этноса и мотивирующим стереотипы его поведения, для балкарского народа этого периода следует признать такой всеобъемлющий многослойный символ, как “Родина”. Этот символ – суть метафора, имплицитная на базе ассоциативных связей всю парадигму существования народа» [5]. В этом контексте интересно наблюдение Н.Ц. Манджиева о том, что в произведениях калмыцких писателей о депортации народа нет изображения красоты сибирской природы: «Художественное мышление писателей оказалось верным памяти детства, юности, сохранившего образ степи» [6, с. 15].

Есть еще немало сюжетов, мотивов, тем единых и сродненных по смыслам или базовым архетипическим схемам, но разных по формам выражения и стилям творческого преобразования действительности. Одна из этих тем – это базовая тема «кбайтув» – возвращение. Уникальное явление стойкого духовно мотивированного стремления к возвращению на Родину целого народа, оформленного в национальной идее, первой ее составной задачей в условиях изгнания.

Тема изгнания усилила тенденции к религиозной и этнической самоидентификации крымских татар по той причине, что она в силу мусульманской ментальности народа уже прочно обосновалась в его сознании в виде мощных архетипических схем, в которых именно изгнание было той формой массовых репрессий, практикуемой мушриками (язычниками), беззаконниками, преступниками в отношении монотеистов. Именно эта форма массовых репрессий в отношении крымцев и была реализована в СССР.

В тексте Корана передается базовая исходная схема противостояния беззаконников и воинствующих неверующих преступников с монотеистами. В этой схеме и отображаются массовые репрессии беззаконников и преступников в отношении мусульман и муьминов, реализованные в базовой схеме преступного самоутверждения через три его составных компонента: угрозы, насилие (произвол), массовые репрессии (изгнание). Именно эта преступная схема преступного самоутверждения в отношении крымских татар и других народов, подвергнувшихся преступному выселению в СССР, была реализована в сороковые годы XX-го столетия и была как фактологически, так и художественно раскрыта в прозе конца 80-х – 90-х гг.

Для преступного режима вопрос истины не стоял, для него даже очевидно чудовищное престу-

пление против человечности через лживый навет на весь народ – это всего лишь оправдательный миф для преступного самоутверждения именно в мифологическом, а не истинном аспекте. Именно истина является принципиальным критерием расхождения и несовместимости преступной власти и народа, игнорируемого преступной системой, узурпирующей властные полномочия и заменяющей истину мифологией, в силу чего народ – носитель своих истинных смыслов не совместим с ней. Здесь государственная мифология служит интересам самой власти, упрочивающей свое положение через «сакрализацию» и, в идеале для преступного режима, коллективную «фараонизацию», тем самым превозносящую себя в эдакий несокрушимый идол, и наделяя в соответствии с «сакрализированным» своим образом себя неограниченными репрессивными полномочиями в отношении всего, не вписывающегося в мифологию, и в первую очередь в отношении носителей истины.

Говоря о фараонизации, мы не идем против истины, так как фараон здесь – это исходный тип или архетип, обнаруживающий себя на разных витках человеческой истории посредством аналогии, общего набора качеств и характеристик, выдающих формулу преступного самоутверждения. В тексте Корана о фараоне сказано, что он преступал границы дозволенного, что фактически подтверждалось его очевидным непринятием истины, с которой к нему пришел пророк Муса а.с., и, более того, сознательным преступным самоутверждением через угрозы, произвол (насилие) и репрессии против истины пророка Мусы а.с. Таким образом, в конфликте ревностного самодовольного охранителя идола себя, как верховного господ – фараона и его знати против носителя истины – подвергаемого пыткам и издевательствам иноплеменного фараону и его знати народу пророка Мусы а.с., фараон открыто приступил против открывшейся ему истины из гнева и страха угрозы истины его лживой мифологии, вознесшей его и его окружение на пьедестал властителей с неограничиваемыми полномочиями. Таким вот образом именно фараон явился исходным типом преступной власти, сознательно преступившей против истины. Именно этим неперенным качеством преступной власти, как готовность идти против истины во имя утверждения лживых мифов, возвеличивающих роль и значение властителей с целью упрочения их преступного властвования читается как в материале прозы, так и в политической истории. Аналогия с фараоном читается и в реальных действиях реальных лиц. Так, Шамиль Алядин в своей автобиографической повести привел дословно высказывание преступно самоутверждавшегося в отношении крымско-татарского народа коменданта: «Я – ваш царь и бог». Когда как Фараон сказал: «и сказал: ”Я – ваш всевышний господь!”». (Сура «ан-Назиат», 24-ый аят).

Таким вот образом, исходный тип или архетип фараона здесь – это претензия на политическую легализацию произвола, как модель для устойчивого функционирования политической системы во главе с преступником и узурпатором. Именно в этом контексте социализации снова и снова воплощаются в живую плоть древние образы, базисные прообразы или архетипы и дышат новой жизнью. Таким образом, именно через преступные произвол и массовые политические репрессии архетип фараона циклически воспроизводится в течение всей человеческой истории.

В воспоминаниях крымских прозаиков, детьми познавшими горечь преступного выселения из родного Крыма, Крым представлялся тем гармоничным миром и жизненным укладом, в котором все герои были счастливы. В то же время сущность преступных репрессий и природа их вершителей доносится ими метафорическим языком, передающим их бесчеловечность, античеловечность через своеобразную механизацию или машинизацию, звероуподобление, человеконенавистничество, где противостояние наблюдается по линии бинарных архетипов «порядок – хаос», «гармония – дисгармония», «рай – ад» именно в контексте разлуки с родным Крымом. Следующие отрывки красноречиво иллюстрируют образ Родины, ассоциируемый с матерью, семейным очагом, бабушкиной любовью, крымской природой и благодатью, образы, формирующие целостную картину счастья, навечно запечатленную в детской памяти и мироощущении крымских прозаиков Рустема Али, Айдера Османа, Ибраима Паши до того, как она была преступно и вероломно нарушена.

Вот отрывок из рассказа «Соньки сары армут» («Последняя желтая груша») Рустема Али: «Если взрослые и старались детально разъяснить мне про рай, райскую пищу и про ад, я не мог их себе и представить. Однако в скотских вагонах на чужбине мне предоставилась возможность их не просто представить, но и узреть. Рай – это объятия бабушки с фиалковым ароматом, я совершенно очевидно себе представил, что райская пища – это желтая груша из рук моей бабушки, ад же – это скотский вагон, адская пища – это месиво, сваренное из гнилой рыбы, которые также очевидно я узрел.

Я больше не смог увидеться с бабушкой. Она умерла в первый месяц преступной ссылки. Садов и виноградников между Судаком и Таракташем больше нет. Однако рай и райская пища не иссякли» [7] (авт.).

Не менее интересен в раскрытии мотива Родины отрывок из повести «Саба ола, хайыр ола» Айдера Османа: «Мемет остался с беспокойными мыслями наедине. «Что это за место Хорезм? Его мама туда приедет, значит, она знает Хорезм. Может, это – Крым. Может, это Узбеки называют Крым Хорез-

мом? Если завтра они туда поедут, если Мемет узнает Крым, то обязательно воскликнет: “Крым! Это – наш Крым!”. Все удивятся: “Посмотрите-ка, этот ребенок узнал Крым, мы же думали, что не узнает”, – скажет дядюшка Матнияз. Тётушка Гевар, бабушка, даже Айджамал, говорят по крымскотатарски. А значит и они – крымские татары, только они со стороны Ялты, мы же со стороны степи, с села Карджав.

Мемет на одном дыхании открыл для себя столько вещей. Он сам обрадовался своему открытию. Как только он представил себе Крым, то перед его взором предстала бескрайняя зеленая степь, бегающие по ней зайчики. “Я отнесу их домой, – подумал Мемет. – Мама обрадуется со словами: “Умничка, сынок, ты стал мужчиной!”. А бабушка, конечно же, и она там...” Когда Мемет вспоминал маму и бабушку, то от наплыва чувств его сердце сжималось.

Когда Мемет погружался в сон из сладостных мечтаний, он шепотом произносил, как это говорила мама: “Саба ола, хайыр ола (“С утренней зарей и благо пребывает”))» [8, с. 54] (авт.).

«Родина-Мать» для Айдера Османа выступает в образах обители, щедрого на свет солнца, зелени и счастливого детства на родной земле в отрывке из повести «Агентнинь изинден» («По следам агента»):

«– Эх, ступить бы одной ногой в Крым, – сказал он (Ахтем) с бравадой и радостью. Нам только когда ступим на родную землю нужна помощь. После мы укрепим. А там заживем. Знаешь, Зера, когда я говорю Крым, то перед взором предстает зеленый-зеленый луг. Там птицы щебечут, зайчики бегают, дети играют.

– Почему же обязательно зелено должна быть?

– За нашим домом была такая поляна. Весной там полно жаворонков. Они в траве гнезятся и выводят птенцов. Песня жаворонка – самая чистая песня. Она устремляется высоко в небо, он так поет, что весь мир за раз очищается... Затем и зайцы в ущелье среди кустов тоже строят свои обители... Солнце рождается таким красивым и щедро осыпает своими лучами все поле. О Аллах, кого обрадует еще красота такого весеннего дня. Душе спокойствие, сердцу радость... дети там растут в радости и играх, оттуда черпают любовь к родной земле и пронесут ее через всю жизнь» [9, с. 146-147] (авт.).

Также мотив Родины раскрывается у Айдера Османа в образах семейного очага, благодати родной земли, материнской и отеческой любви в отрывке из рассказа «Аметнинь козьяшлары» («Слёзы Амета»): «Амет представил себе Крым, отцовский дом, лужайку за домом, на которой пасутся и бегают овцы и ягнята и увидел себя рядом с ними. Вот он представил доброе, милое лицо матери, открывшей окно и зовущей его домой. Вот по дороге среди перешептывающихся от ветра тополей, смеясь, идет его отец, на его ногах надеты чарыки, на голове – калпак, вот он подойдет и обнимет Амета, поднимет

на руки и пойдет домой, мама их встретит, [...] Вот сейчас...

Сердце Амета сжалось: «Какая это была хорошая жизнь!» – подумал он. Когда он шел через двор, то почувствовал, что его щеки намочили. Он плакал и плакал, не ощущая этого» [10, с. 176] (авт.).

Ибраим Паши в отрывке из романа (повести – Р.К.) «Джанлы нишан» («Живая мишень») выразил мотив «Родина-Мать» через берег синего-синего моря, холмы и чаиры родных мест, пастбища крымской яйлы, образ чабана, свежий ветер с гор, своим прикосновением напоминающий изящные и нежные руки девушки. «Темет безмолвствовал, хотелось спать, но сон пропал. Разум его витал где-то вдали, у зеленых холмов и чаиров родного села, на берегу пресинего моря. Будто он пасет коз. Размахивая чабанской палкой, гонит животных к реке. Верящий с изумрудных гор свежий ветер поглаживает лицо и лоб как изящные и нежные руки девушки. Парящие между серых скал коршуны жалобно-жалобно кричат» [11, с. 85-87] (авт.).

Мотив «Крым – Родина-Мать» совершенно отчетливо прослеживается в речи Рустема Али, более того, этот мотив пережит им, выстрадан им на своем жизненном пути. По его убеждению, как родная мать спасла его из морга-зндана, так и мысли о родной земле-матери – Крыме спасли народ из «морга» – ссылки. Основная мысль Рустема Али заключалась именно в этой аналогии пережитых трагедий как им индивидуально, так и коллективно – его народом. Архетипичность этого мотива, его древняя повторяемость и даже цикличность (в сопряжении с онтологической парадигмой «смерть-возрождение»), наверное, заслуживает особого внимания. Более того, он как бы вторит священному кораническому тексту, словно подтверждает его в новых исторических условиях. В Коране многократно сообщается о сотворении человека из земли, потом последовательно из капли, из сгустка крови, из разжеванного кусочка, сформировавшегося или не сформировавшегося (Сура «Аль-Хадж»). Т.е. изначально человек был создан из земли и лишь потом из утробы матери: «Ему было лучше знать о вас, когда Он сотворил вас из земли и когда вы были зародышами в утробах ваших матерей» [12, с. 527]. В Коране местом пребывания человека значит земля (читай Родина) и материнская утроба: «Для вас есть место пребывания (на земле или в утробах матерей) и место хранения (в могилах или чреслах отцов)» [13, с. 140].

У Рустема Али мы наблюдаем параллель с кораническими толкованиями. Как без матери невозможно развитие плода и рождение ребенка, так без родной земли, данной в удел, как человеку, так и народу, невозможно его и их полноценное развитие и жизнедеятельность. В какой-то степени функционально земля и материнская утроба обеспечивают жизнедеятельность и развитие человека на разных

этапах. Архетип родины сродни архетипу матери. Именно поэтому образы Родины утешают и умиротворяют, зовут в родное лоно – это свойственно поколению крымских писателей, оторванных от Родины детьми. Это обобщает их творчество, хотя и выражается индивидуально, в свойственном им стиле.

В. Оборина пишет: «На этническом уровне архетипы определяются содержанием ментальных структур сознания, включающих общепринятые верования, предубеждения, установки и принципы данного этнического общества или группы» [14, с. 25]. О. Нельга определяет этнические архетипы как «совокупность духовно культурных символов и образов этнического бытия, посредством которых жизнь каждого этнофора наполняется смыслом и целеустремленностью» [15, с. 43]. Именно на основе этнических архетипов формируется понимание существования категории «мы», дающей возможность почувствовать себя частью целого этноса. «Мы» обуславливает характер действий и тип реакции на ту или иную конкретную ситуацию как единственно возможный и потому правильный. Так, в рамках базовой схемы бинарной оппозиции из Корана: «Изгнание – Возвращение» реализовалась национальная борьба крымских татар с единственно верной целью – Возвращением. Рустем Али выразил эту схему через бинарную оппозицию: «Крым – Родина-Мать» – Ссылка (морг, могила, обречение на гибель) в сопряжении с онтологической парадигмой «Смерть – Возрождение». Со слов самого Рустема Али, движущим мотивом его творческой деятельности было возвращение народа в Крым: «Я не пришел, чтобы быть писателем или поэтом. А пришел, чтобы вернуть народ в Крым, чтобы мотивировать народ Крымом...» [2] (авт.).

Вот, например, в рассказе «Олюм ёлу» («Дорога смерти»), описывающем насильственную разлуку народа с Крымом, Рустем Али озвучил мотив «Крым – Родина-Мать» и боль по утрате отца, метафорически усиленную именно в связи с преступной политикой в отношении крымского народа, а значит, боль, помноженную на народ:

«Поезд то спешит, то вот-вот остановится, замедляет ход, но не останавливается, продолжает путь. Затем снова набирает скорость. Иногда издает хищный крик, несется как бешенный, словно настигающий добычу див (демон). Вот и сейчас так. Аппаз деде подошел к окну и выглянул наружу.

– Приближается к Ор-Капу! – сказал он, сидящие вскочили с мест и устремились к окну, последний раз глянули на материнскую землю, родное небо и море, утирая слезы, опять сели рядом со своими котомками и узелками. Будут ли они осчастливлены возвращением на родину или нет, только Аллаху известно.

– О, наш Господь, прости нам наши грехи. Удостой нас возвращением на родную землю, всем вместе. Амин, я, Раббим, – помолился Аджымурат деде.

– Амин... Амин... – большие и малые – все вместе от всего сердца с верой молясь, смотрят в окно. Оттуда виднеется кусочек яркого переливающегося цветами неба. Солнце садится. Когда же заново взойдет Крымское солнце для этого народа в вагонах? Взойдет ли?! Взойдет, взойдет, взойдет, – говорит надежда. Взойдет, взойдет, взойдет, – стучат железные колеса.

Солнце село. Поезд не останавливается в Ор-Капу, продолжает путь во мглу. [...] – Крым остался по ту сторону! Раздался плач: не только в этом вагоне, во всех раздался плач младенца, насильно оторванного от материнской груди. [...] Мир впервые стал свидетелем жесточайшего преступления над целыми народами, свершенного государством под названием СССР. Однако кто же слышит плач народа, заключенного в скотские вагоны, кроме Аллаха? Может, иблисы в человеческом облики, сопровождающие эти вагоны? Страдание несчастного народа только доставляет им удовольствие. Насколько мучительней страдание, настолько слаще их удовольствие. Поэтому на всем протяжении длительного пути они от этого народа не отстанут и не оставят его в покое. Зловредность и злонамеренность их профессия, их хлеб. Кто еще может услышать их плач? Может быть жители окрестных сел и городов? Правители учат их быть глухими и слепыми и твердо требуют от них оставаться такими. Осмелься, покажи свою человечность! Известен исход тех, кто проявил благородство. Сам станешь жертвой. Кто еще остался? Может, другие народы других государств? Излейся морем слез, кричи криком до небес, призывай. Бесплезно! [...] Потому что ты в могиле! Одна шестая часть мировой суши “братства народов” в железобетонной могиле! Окрашенные в алую кровь серп и молот – твой могильный камень!» [16, с. 122-123] (авт.).

Тут мотив «Крым – Родина-Мать» метафорически озвучен через плач отрываемого от Крыма народа в поезде – плач оторванного от груди младенца, в то время как сущность репрессий и природа их вершителей доносится метафорическим языком, передающим их бесчеловечность через своеобразную механизацию или машинизацию, где противостояние наблюдается по линии бинарной оппозиции «рай – ад», «порядок – хаос», «гармония – дисгармония», «созидание – разрушение», «человечность – бесчеловечность» и т.д., где машинизация является обобщающей метафорой ужасающего репрессивного механизма, требующего от людей быть индифферентными к его преступлениям.

Таким образом, мотив «Кырым-Ана» («Крым – Родина-Мать») крымской прозы «Изгнания–Возвращения» представлен в творчестве таких писателей, как Рустем Али, Айдер Осман, Ибраим Паши. Для каждого, отдельно взятого прозаика «Родина-Мать» маркируется через образы, ассоциируемые с мате-

рю, семейным очагом, бабушкиной любовью, национальным характером, крымской природой и благодатью. Наиболее ярко исследуемая нами проблема нашла свое выражение в прозе Рустема Али.

Литература:

1. Сулейман А. (Айдер Осман) «Йылдыз» журналынын алтынды номеринде // Янъы дюнья. – 1991. – № 2.
2. Али Р. Аудиозапись беседы с писателем Рустемом Али. – 2010. – 8 декабря. – Из личного архива Рустема Караманова.
3. Коран. Сура «Аль-Маида. Аят 21 / Пер. Эльмир Кулиев. – URL: http://quran.ksu.edu.sa/index.php?l=ru#aaya=5_21
4. Осман А. «Къайтув». Икяе // Йылдыз. – 1997. – № 1. – С. 101-121.
5. Джанхотова З.Х. Система архетипических образов в балкарской поэзии 30-50-х гг. XX века (на материале произведений К. Кулиева): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2009. – 23 с.
6. Манджиев Н. Калмыцкая проза о депортации (некоторые аспекты концепции человека). – Элиста: Ред.-изд. отд. Калмыц. ин-та соц.-экон. и правовых исслед., 2005. – 240 с.
7. Али Р. Сонъки сары армут // Сувдагъ сеси. – 2004. – № 8(256). – С. 4.
8. Осман А. Саба ола, хайыр ола // Йылдыз. – 1990. – № 5. – С. 24-73.
9. Осман А. Агентнинъ изинден // Йылдыз. – 1994. – № 2. – С. 107-164.
10. Осман А. Аметнинъ козьяшлары // Йылдыз. – 1994. – № 3. – С. 169-176.
11. Паши И. Джанлы нишан. – Симферополь: Таврия нешрияты, 1998. – 208 с.
12. Коран. Сура «Ан-Наджм». Аят 32 / Пер. Эльмир Кулиев. – URL: http://quran.ksu.edu.sa/index.php?l=ru#aaya=53_32
13. Коран. Сура «Аль-Ан'ам». Аят 98 / Пер. Эльмир Кулиев. – URL: http://quran.ksu.edu.sa/index.php?l=ru#aaya=6_98
14. Оборина В. Об особенностях ментальности будущих педагогов и психологов // Вестник МГУ. Сер. 14. – 1994. – № 2 – С. 25-32.
15. Нельга О. Архетипи етнічні // Енциклопедія етнокультурознавства. – 2000. – Ч. 1. – С. 43-47.
16. Али Р. Олюм ёлу. Икяе // Йылдыз. – 1992. – № 4. – С. 108-144.

**The Eurasian approach to the disclosure of the motive
"Motherland" in the literature "Exile-Return"**

Karamanov R.N.

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

An article examines a motive of Crimea-Motherland-Mother in an oeuvre of Crimean writers via an influence of a prism of the autobiography and personal life experience. Precisely in memories of Crimean novelists, which cognized a bitterness of malfeasant eviction from home Crimea while being kids reflections of Motherland associate with mother, family hearth, grandmother's love, native character and grace, images to be forming holistic picture of happiness captured in child memory and attitude forever until it has been criminally and treacherously violated.

The motive of Crimea-Motherland-Mother is most distinctly revealed in a prose of Rustem Ali on a line of binary opposition discovering tragic circumstances of felon ouster and detention of Crimean Tatar People in exile. The main idea of Rustem Ali's creations is placed exactly in the analogy of tragedies experienced as individually by him as a whole – by all the people. Archetypicality of that motive deserves a particular attention.

Key words: crimean prose, exile, homecoming, return, Motherland, motive, archetype, binary opposition.

